

Бай Цзыцин протянул руку за чашкой чая и подмигнул:

— Значит, мой сегодняшний выход оказался правильным?

— Да, да... — Цуй Даожун мог только с сожалением согласиться. — Просто если бы ты задержался еще немного, то, вероятно, уже не смог бы.

— Почему?

Ответил ему Чжан Сюнь:

— Я специально приехал из Хэнчжоу в столицу для сдачи экзаменов, через несколько дней начнется столичный экзамен.

12.

— Столичный экзамен?

Только сейчас Бай Цзыцин вспомнил, что ежегодные государственные экзамены, включая осенний столичный экзамен, проходят в конце сентября. Все, кто прошел отбор в своих областях, могут принять участие, и экзамен проводится Министерством церемоний. В прошлой жизни, перед тем как войти во дворец, он слышал о примерных обстоятельствах и даже видел некоторых успешных кандидатов того года, но о Чжан Сюне... он не помнил ничего.

По словам Цуй Даожуна, он случайно встретил Чжан Сюня, обнаружил, что они нашли общий язык, и что тот пишет отличные сочинения, поэтому решил обязательно познакомить его с Бай Цзыцином.

— Разве Цзыцин не любил раньше соревноваться в литературе? — Цуй Даожун, словно нашел сокровище, сказал. — Не упusti Сюня, его сочинения — это настоящий шедевр.

Бай Цзыцин усмехнулся:

— Это было раньше. Если Сюнь скоро сдает экзамены, то это не срочно. Когда он станет чиновником, мы встретимся во дворце.

Чжан Сюнь медленно повернул чашку в руках и улыбнулся:

— Цзыцин прав, писать и обсуждать произведения — это удовольствие, не стоит спешить.

Эти слова заставили Цуй Даожуна и Бай Цзыцина повернуться к нему, первый — с удивлением, второй — с недоумением. Быть таким уверенным перед ними, не льстить и не подстраиваться, было довольно необычно.

Бай Цзыцин наконец понял, почему Цуй Даожун так ценил этого Чжан Сюня. Он действительно был человеком, который нравился Цуй Даожуну, и тем, кого он стремился заполнить в свои связи. Если Чжан Сюнь действительно сдаст экзамены и станет чиновником, иметь такого друга было бы очень полезно.

Из-за присутствия постороннего Бай Цзыцин не мог обсуждать с Цуй Даожуном дела. Маленький ящик с серебром, который он привез, пришлось снова тайно переправить в дом Цуя. На обратном пути Бай Цзыцин изо всех сил пытался вспомнить, встречал ли он Чжан Сюня в прошлой жизни, но в прошлом они точно не пересекались. Он решил не заморачиваться и бросил в огонь свечи список с расписанием, превратив его в пепел.

Ему предстояло столкнуться с множеством вещей.

Двадцать седьмого сентября четвертого года правления Юнцзэ вся семья Бай провожала Бай Цзыцина во дворец.

Вещи, которые семья Бай дала ему с собой, заняли несколько ящиков. Среди них была и бесценная каллиграфия Ван Сичжи, которая, вместе с вещами, подготовленными принцессой Чанпин и Бай Шу, выглядела совершенно обыденно.

Весь этот день Бай Цзыцин не мог найти покоя. С церемонии вступления во дворец до вечернего банкета ему пришлось носить полный парадный костюм, установленный традициями. Хотя мужские головные украшения для церемонии были не такими многочисленными, как женские, они все же были украшены золотом и драгоценными камнями, и, казалось бы, ничего особенного, но, надев их, он почувствовал, насколько они тяжелы.

Бай Цзыцин с утра до вечера носил этот головной убор, и шея болела ужасно. Наконец, когда банкет закончился, в Чертоге Ганьлу его ждала еще куча людей, чтобы поклониться. Он был в полном беспорядке, в то время как Ин Цань, одетый в красный халат с золотой вышивкой в виде облаков, вообще не участвовал в церемониях и указах, сидел в стороне, ел, пил и разговаривал с подчиненными, чувствуя себя совершенно свободно.

Чувство голода почти сломало его. На столе лежали только сладости, такие как финиковые пирожные, а он никогда не любил такие вещи, и даже перекусить было нечем.

К глубокой ночи люди в Чертоге Ганьлу постепенно разошлись, и, видимо, заметив его усталость, Ин Цань махнул рукой, чтобы евнухи и служанки вышли, а евнух Цинь с улыбкой тихо закрыл за ними дверь.

Как только дверь закрылась, Бай Цзыцин вздохнул с облегчением.

В Чертоге Ганьлу остались только они двое, Ин Цань сидел недалеко от него, его взгляд был глубоким и непроницаемым. Он оперся головой на руку и спросил Бай Цзыцина:

— Ты так устал?

— Хочешь поменяться местами?

Бай Цзыцин с трудом поднялся, снял с головы украшения и сбросил несколько слоев одежды, бросив их на пол, как будто избавляясь от чего-то.

— Прошу прощения за мою бестактность, Ваше Величество, не сердитесь.

— Сердиться?

— Да, хотя сейчас это может показаться странным, но Ваше Величество, возможно, скоро привыкнете. — Бай Цзыцин улыбнулся ему. — Я не жесткий человек, поэтому, пожалуйста, найдите предлог, чтобы отменить эти дурацкие правила раз в месяц. Кроме того, я действительно не хочу спать на полу весь месяц.

Даже услышав это, Ин Цань не изменил выражения лица. Он лишь спокойно сказал:

— Дерзко.

— Немного, но ничего не поделаешь.

— Ты так не хочешь выходить за меня замуж?

Бай Цзыцин спокойно посмотрел на Ин Цаня и сказал:

— На самом деле, в начале, будь то из-за брачного договора или собственного желания, я действительно хотел выйти за тебя.

Комната погрузилась в тишину, красные свечи мерцали, и двое людей в роскошных красных одеждах молча смотрели друг на друга, атмосфера была совершенно несовместимой с окружающей обстановкой.

Ин Цань чувствовал, что Бай Цзыцин говорил это с искренним разочарованием.

Он прищурился, и его тон стал более требовательным:

— А потом?

— Остался только брачный договор. — Бай Цзыцин сказал. — Я не хочу создавать проблемы для семьи Бай и моей матери, наши с тобой отношения ограничиваются брачным договором, и никаких других чувств, как у тех, кто в твоём гареме, не будет.

— В таком случае, пусть будет по-твоему. — Ин Цань холодно бросил. — Ты соблюдаешь брачный договор, а я буду соблюдать правила предков. Месяц — это месяц, можешь спать на полу или на кровати, как хочешь.

— Я выберу пол... — Бай Цзыцин немного заколебался, затем спросил. — Можно попросить кого-нибудь приготовить мне что-нибудь поесть?

— Нет, в брачном договоре такого требования нет.

— Что???

— ... — Бай Цзыцин смотрел на него с раздражением. — Ладно, не надо.

Он смирится, он сможет терпеть. Лучше голодать, чем умереть, верно? Бай Цзыцин утешал себя. В комнате не было слуг, он взял два одеяла, бросил их на пол, кое-как разложил и залез внутрь, надеясь, что, заснув, перестанет чувствовать голод.

Конец сентября, ночью уже было довольно прохладно. Бай Цзыцин закрыл глаза, несколько раз пытался заснуть, но не смог, и, страдая от голода и холода, стал только бодрее. Он вспомнил события прошлого, первую ночь во дворце, когда он был напряжен и не знал, что делать. Даже лежа с Ин Цанем на одной кровати, обнявшись, он дрожал.

Ин Цань тогда с улыбкой посмотрел на него и спросил:

— Холодно?

— Холодно?

Бай Цзыцин, укрытый одеялом, вдруг очнулся. Воспоминания и реальность смешались, он выглянул из-под одеяла, не понимая, что произошло:

— Ты... только что говорил со мной?

Ин Цань, одетый только в желтую шелковую рубашку, присел недалеко от Бай Цыцина:

— Разве в Чертоге Ганьлу есть третий человек? Только что ты так смело говорил, а теперь задумался?

Он схватил одеяло вместе с Бай Цыцином, поднял его и понес к кровати. Он бросил Бай Цыцина на внутреннюю сторону кровати из сандалового дерева, а сам лег снаружи.

— Ты так дрожишь, если заболеешь, как я объясню тете через несколько дней, когда мы выедем из дворца?

Бай Цыцин, закутанный в одеяло, долго пытался выбраться, но не смог:

— Неужели ты действительно хороший человек?

— Если бы я не был хорошим, я бы уже давно тебя казнил. — Ин Цань помог Бай Цыцину выбраться из одеяла и лег рядом, закрыв глаза.

— Ты не сделаешь этого. — Бай Цыцин повернулся к нему спиной, затем добавил. — Потому что я Бай Цыцин.

Через некоторое время он услышал тихий смех Ин Цаня.

— Ты прав.

13.

Этой ночью он действительно был очень голоден, плюс усталость от церемонии, все тело болело. Неизвестно, было ли это из-за смены обстановки или из-за беспокойства о будущем, но, хотя он очень хотел спать, сон был беспокойным.

На следующий день, когда Ин Цань одевался на утренний прием, Бай Цыцин проснулся.

— Который сейчас час?

Его длинные волосы беспорядочно рассыпались по плечам, он зевнул и потер глаза, сидя в одеяле, одетый только в свободную рубашку, что выглядело очень соблазнительно. Ин Цань на мгновение замер, лишь взглянул на Бай Цыцина. Он не сделал ни одного движения, и никто не осмелился ответить Бай Цыцину. Комната погрузилась в тишину, пока Ин Цань не кивнул в сторону Циню, и Бай Цыцин наконец получил ответ.

<http://bllate.org/book/16479/1496753>